

ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА Н.Н. СТРАХОВА
В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статті розглядається питання необхідності цілісного вивчення літературної спадщини М.М. Страхова-критика як невід'ємної складової літературного процесу в Росії другої половини XIX – початку XX століть. Визначено своєрідність його критичного методу при оцінці важливих художніх явищ, охарактеризовано ідейно-естетичні позиції як критика й історика літератури, здійснено спробу об'єктивно оцінити його художню значущість і місце в історії російської критики.

Ключові слова: ідейно-естетичні позиції, критичний метод, літературний процес, історія критики.

В статье рассматривается вопрос необходимости целостного изучения литературной деятельности Н.Н. Страхова как неотъемлемой составляющей литературного процесса в России второй половины XIX – начала XX веков. Определено своеобразие его подхода к оценке важных художественных явлений, охарактеризованы идейно-эстетические позиции как критика и историка литературы, предпринята попытка объективно оценить художественную значимость его критического наследия и его места в истории русской критики.

Ключевые слова: идейно-эстетические позиции, критический метод, литературный процесс, история критики.

The article examines the crucial importance of complex studying of Strakhov's literary activity as an integral constituent part of literary process in Russia in the XIX – XX century. N.Strakhov's creative heritage, specific features of his outlook, conceptual and aesthetic principles, peculiarities of his critical method and literary works are currently determined. The present paper investigates the essential Strakhov's role in the literary process, proving an attempt of objective evaluation of his place and significance in the history of Russian criticism.

Key words: aesthetic principles, critical method, literary process, the history of criticism.

До последнего времени имя Н.Н. Страхова находилось в совершенно несправедливом забвении. На протяжении тридцати с лишним лет он находился в гуще литературной и общественной жизни, откликнулся на все ее наиболее значительные явления, высказал массу ценных мыслей и наблюдений о творчестве своих современников. Тем не менее, его творческое наследие было, если и не исключено вовсе из истории русской критики, то, во всяком случае, отодвинуто на задний план: его произведения до 1984 года даже не переиздавались, а в последующие четверть века изучались мало, односторонне и избирательно. Этим вызывается актуальность и необходимость обращения к критическому наследию Н.Н. Страхова.

Несмотря на ограниченность и эпизодичность дореволюционных публикаций, они не утратили своей ценности и по сей день и могут быть основой современного изучения

деятельности критика. Представляют интерес и некоторые малоизвестные и забытые суждения о Н.Н. Страхове его современников и ближайших наследников, например Б.В. Никольского и В.В. Розанова, Ю.Н. Говорухи-Отрока.

В годы советской власти наследие Н.Н. Стрхова оказалось практически вне поля зрения историков литературы. Нередко его называли «реакционером», «идеалистом» и «националистом» и противопоставляли оппонентам, наследие которых издавалось и изучалось. Но пересмотр несправедливого отношения к Н.Н. Стрхову начался после публикации исследований У.А. Гуральника, затем Н.Н. Скатова и др. К его статьям обращались исследователи Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, в меньшей степени И.С. Тургенева. Но и по сей день практически вне поля зрения исследователей остались статьи Н.Н. Стрхова об А.С. Пушкине, которые упоминаются обычно вскользь и в пренебрежительном тоне.

Разумеется, за последние десятилетия сделано немало: есть статьи как посвященные отдельным сторонам деятельности Стрхова-критика, так и содержащие ее общую характеристику. И все же считать, что литературно-критическое наследие Н.Н. Стрхова изучено с достаточной полнотой и на современном методологическом уровне, было бы, на наш взгляд, преждевременно. До сих пор некоторые литературно-критические статьи Н.Н. Стрхова вообще обойдены вниманием, недооценены или нуждаются в новом прочтении и введении в целостное представление о Стрхове-критике.

Стрхова зачастую представляют лишь второстепенным «спутником» Толстого и Достоевского. Критика, конечно, трудно сопоставлять с великими писателями, которые своими художественными достижениями заслужили всемирное признание, но без критического осмысления литературного процесса вряд ли возможны и серьезные достижения в художественной сфере.

Напомним также, что Стрхов был не только серьезным, глубоко мыслящим критиком, но и вполне самостоятельным философом. Что же касается эстетического вкуса Стрхова, то с ним считались почти все виднейшие писатели и философы второй половины XIX века, включая А.А. Фета, А.Н. Майкова, И.С. Аксакова, Н.Я. Данилевского, и даже враждебно настроенного по отношению к нему В.С. Соловьева и К.Н. Леонтьева. Без преувеличения можно утверждать, что Стрхов является одной из центральных фигур всего литературно-философского процесса второй половины XIX века.

Надо признать, что страховская манера обильно подкреплять свои доводы обильным цитированием, не слишком привлекательна для читателя, принимающего такого автора за компилятора. Бытующее мнение о его сухости и рационализме весьма поверхностно. Можно говорить разве что о чрезвычайной серьезности и нравственной строгости его подхода к мышлению, к творчеству. Да, порой Стрхов, может быть, излишне назидателен, но он никогда не бывает тривиален. Внешняя простота страховской мысли очень обманчива: его сочинения, отличающиеся ясностью и строгостью изложения, неизменно полны глубокой мысли. В его статьях нет «воды», и потому они требуют постоянного умственного усилия и трудны для восприятия. Зато, как отмечал Розанов, перечитывая их, всегда находишь там что-то новое. Стрхов никогда не был банален, он вечно оспаривал мнения своих идейных противников.

Чуткий В.В. Розанов отметил при начале переписки со Стрховым, что от его сочинений веет «невывразимою грустью, безнадежностью». «Вы просто не вовремя ро-

дились, вы по рождению человек 60-х годов, а по духу 80-90-х. Ваша жатва придет», - утешал он шестидесятилетнего мыслителя [3:145]. Чтобы понять, почему литературная судьба Страхова была так неудачна, надо представить, в какое время выпало ему заниматься творчеством. Утверждение Розанова, что литературная судьба Страхова сложилась так неудачно из-за того, что его творчество относится к переходному периоду в истории русской мысли, вполне справедливо.

Творческая деятельность Страхова пришлась на то печальное время, когда, с середины XIX века, вместо собственно эстетической и философской проблематики в обществе стала преобладать социальная критика с растущим радикальным отрицанием государственной власти, церкви, культом материализма и утилитаризма, а в культуре - отрицанием даже самой философии, эстетики, науки.

Основоположниками этого набиравшего силу нигилистического движения были «западники» Белинский и Герцен с их религиозным скептицизмом и политическим бунтарством. Их идеи развивали в сторону дальнейшего упрощения и радикализации Чернышевский, Добролюбов, Писарев; затем пришли уже полные нигилисты Елисеев, Зайцев, Антонович.

Лишь небольшая горстка энтузиастов сопротивлялась этому повальному увлечению разрушительными для государства и общества началами. У истоков этого движения идейного «сопротивления» стояли славянофилы; в критике наиболее важной фигурой был Аполлон Григорьев. Именно этот «последний романтик» вовлек в сферу идейной борьбы естествоведом по образованию Н.Н.Страхова, которому было суждено, наряду с другими «почвенниками», Григорьевым и Достоевским, стать одним из главных оппонентов нигилизма и выразить его губительную сущность как мировоззрения. Сочинения Страхова, утверждавшие «вечные истины», опровергавшие с позиций философского идеализма и высшей нравственности нигилистические тезисы «революционных демократов», заняли ведущее место в борьбе со «злокачественной болезнью» нашего общества. Хотя Страхов был по своим взглядам гуманистом, а его консерватизм в духе славянофилов - вполне умеренным (за что его резко порицал Леонтьев), либеральная печать навесила на него ярлык одиозного охранителя и реакционера.

Огромное место в страховском творческом наследии занимает «борьба с Западом» - раскрытие недостатков духовных основ европейской цивилизации и призыв русского общества к большей самостоятельности и сохранению самобытности русской мысли. По мнению Страхова, русский нигилизм неразрывно связано с западничеством, бездумным приятием европейских форм жизни и «самых прогрессивных» достижений мысли. Страхов утверждал, что «западничество принимается худшими сторонами русской души, что нигилизм его логический плод». Не удивительно, что литературная судьба Страхова сложилась поистине трагично. В 1860-80-х годах его имя было покрыто нескончаемыми насмешками «революционных демократов», господствовавших в общественном мнении.

Но в период торжества идеалов «шестидесятничества» в обществе царили иные мнения. Так, один из типичных либеральных критиков того времени М.Протопопов дал своей рецензии на «Борьбу с Западом» название «Кладбищенская философия», а самого Страхова за то, что «веру в прогресс» назвал «религиозной», за утверждение, что нигилисты «свою веру в небесный рай переменяли на веру в рай земной» назвал «реакционером и обскурантом» [2: 13].

В этом контексте становится понятна обобщающая автохарактеристика Страхова. В 1894 году он писал Н.Я. Гроту о себе, перефразируя известное высказывание Аристотеля об Анаксагоре: «На моей могиле можно будет, конечно, написать: „один из трезвых между угорелыми”» [1: 256].

Творческое наследие Н.Н.Страхова на протяжении последних двадцати лет изучается довольно плодотворно. Благодаря усилиям литературоведов создано более глубокое и верное представление о месте его литературной критики в истории русской критики XIX в. Вместе с тем и сегодня остаются не оцененными открытия Н.Н. Страхова, например, в области пушкинистики: это относится, прежде всего, к пониманию им пародийной природы «История села Горюхина». Это относится и к образу Базарова, и, может быть, в наибольшей степени к современному пониманию «Войны и мира». Изучая литературно-критическое наследие Н.Н. Страхова, мы изучаем историю русской литературы, вникая в его суждения, получаем возможность понимать ее правильное и глубже.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грот Н.Я. Н. Грот в очерках, воспоминаниях письмах товарищей, учеников, друзей и почитателей / Николай Яковлевич Грот. – Спб., 1911. – 310 с.
2. Протопопов М.А. Кладбищенская философия / Михаил Алексеевич Протопопов // Дело. – № 6. – Отд. II. –1882. – С. 13-27.
3. Розанов В.В. Литературные изгнанники.. Переписка В.В.Розанова с Н.Н. Страховым, К.Н. Леонтьевым / Василий Васильевич Розанов. – М., 2001. – 375 с.